

УДК 159.9.019

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ: РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ С Э.С. ЧУГУНОВОЙ)¹

© 2020 г. Т. В. Дробышева^{1,*}, А. Л. Журавлев^{1,**}, Э. С. Чугунова^{2,***}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

²ФГБОУ ВО Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина;
196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, Россия.

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории
социальной и экономической психологии ФГБУН Института психологии РАН.

E-mail: tdrobysheva@mail.ru

**Академик РАН, научный руководитель ФГБУН Института психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

***Доктор психологических наук, профессор факультета психологии
ФГБОУ ВО ЛГУ им. А.С. Пушкина

Поступила 07.01.2020

Аннотация. Излагаются результаты исследования, выполненного по истории социальной психологии. Целью данной работы стал анализ предпосылок, закономерностей и этапов развития прикладной социальной психологии, а также роли конкретных личностей в становлении ее проблематики в период 60–70 гг. XX в. В качестве основного метода исследования применялся авторский вариант исследовательского биографического интервью. Содержание использованного материала — воспоминания доктора психологических наук Эмилии Сергеевны Чугуновой о событиях, связанных с первыми этапами становления и последующим развитием прикладной социальной психологии в рамках деятельности лаборатории социальной психологии Ленинградского государственного университета (в настоящее время ФГБОУ ВО “Санкт-Петербургский государственный университет”). Воспоминания Э.С. Чугуновой, длительный период руководившей хозяйственными работами в лаборатории, затрагивают вопросы отношений социальной психологии и социально-психологической практики, развития методического аппарата, предпосылок организации первых хозяйственных работ, формирования заказов предприятий и т.п. В интервью излагаются ее взгляды на проблемы развития психологии инженерного творчества, востребованности социально-психологического знания в практике.

Ключевые слова: история отечественной социальной психологии, прикладная социальная психология, лаборатория социальной психологии Ленинградского государственного университета, исследовательское биографическое интервью, личность и профессиональная деятельность ученого, Э.С. Чугунова.

DOI: 10.31857/S020595920008569-1

В истории отечественной социальной психологии период 60–70 гг. XX в. (примерно с конца 50-х и до середины 70-х), определяемый специалистами как “восстановительный”, отличался поиском социальной психологией “своего лица” в системе других психологических дисциплин. В это время

ключевой задачей для специалистов стало формирование статуса социальной психологии как науки, определение ее предмета, методов и проблемного поля, указывающих на аутентичность научной дисциплины. Поиск решения поставленной задачи стимулировал, с одной стороны, развитие научных социально-психологических школ в России, с другой — определил направления в поисках общих интересов с теми областями практики, которые испытывали потребность в социально-

¹ Работа подготовлена в рамках Государственного задания № 0159-2019-0002 “Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности”.

психологическом знании, определении конкретных закономерностей проявления психики и поведения людей в социальных группах.

Объективными предпосылками построения отношений социальной психологии и практики в “восстановительный” период стали особая социально-психологическая среда, поддержка правительственных структур, востребованность социально-психологических исследований в разных областях народного хозяйства и т.п. Так, например, в 1960-е гг. в отечественной промышленности получило широкое распространение комплексное экономическое и социальное планирование, которое потребовало проведения социологических и социально-психологических исследований в трудовых коллективах. Результаты данных работ впоследствии стали основанием для выделения *промышленной социальной психологии* как прикладной отрасли науки [9]. Чуть позже, в конце 1960-х — начале 1970-х гг. потребность государства в совершенствовании системы управления народным хозяйством стала объективной предпосылкой становления и развития *психологии управления* [5].

Основой становления вышеупомянутых и других прикладных отраслей социальной психологии в период восстановления отечественной социальной психологии стали хозрасчетные работы, проводимые в лаборатории социальной психологии, организованной при Ленинградском государственном университете в 1962 г. Особый интерес представляют полученные в нашем исследовании результаты изучения фактологического материала, построенного на воспоминаниях непосредственных участников хозрасчетных работ. Особое значение они приобретают, поскольку до настоящего времени остаются открытыми вопросы о предпосылках и социальных механизмах формирования первых заказов предприятий и организаций на проведение социально-психологических исследований, о содержании и формах проводимых исследовательских работ, перспективах развития методологии и методов прикладных исследований, а также многие другие. Представления и воспоминания непосредственных участников такого рода работ, по нашему мнению, могут восполнить существующие пробелы в знании о “восстановительном” периоде истории отечественной социальной психологии, что определяет *актуальность* нашего исследования.

Одним из первых сотрудников лаборатории социальной психологии ЛГУ, а впоследствии и руководителем хозрасчетных работ стала доктор психологических наук Эмилия Сергеевна Чугунова. Ее воспоминания о ключевых персонах и происходящих

событиях на разных стадиях становления отношений социальной психологии как научной дисциплины и социально-психологической практики, их взаимодействия по формированию предметного поля и методического аппарата прикладных отраслей науки явились *предметом* настоящего исследования. *Целью* данной работы стало выявление предпосылок, закономерностей, этапов в развитии прикладной социальной психологии, определении роли конкретных персон в становлении и развитии ее проблематики. *Объектами* исследования стали личность и профессиональная деятельность ученого.

В качестве основного *метода* применялся метод исследовательского биографического интервью. В одной из предыдущих публикаций подробно излагались достоинства и ограничения применения данного метода в историко-психологическом исследовании [3], возможности изучения конкретного периода истории отечественной социальной психологии, его методологических оснований и т.п. [4; 5]. Использование данного метода в настоящем исследовании предполагает сопоставление элементов биографической памяти разных ученых в последующем анализе фактологического материала. В связи с этим обоснование применения метода ограничим кратким описанием тех смысловых блоков вопросов, разработанных авторами, которые определили основные лейтмотивы содержания интервью. Речь идет о факторах профессионального самоопределения ученого; научной социально-психологической школе, в рамках которой происходило формирование его научных взглядов; отношениях с учителями и учениками; научном коллективе как субъекте научной деятельности. Ключевым лейтмотивом интервью стала тема становления и развития прикладных направлений социальной психологии, включающая вопросы разработки методического аппарата, спектра научных и прикладных проблем, поиска новых феноменов, роли конкретных специалистов в организации работ и т.п.

Ниже представлено содержание интервью с Э.С. Чугуновой. Программа интервью разработана совместно А.Л. Журавлевым и Т.В. Дробышевой. Вопросы задавала Т.В. Дробышева.

* * *

Т.Д.: Эмилия Сергеевна, традиционно интервью начинается с серии вопросов о том, каким образом тот или иной ученый пришел в профессию, как выстраивался его профессиональный путь... Прочитав на сайте ЛГУ им. А.С. Пушкина информацию о Вас, я обнаружила, что Ваш стаж работы — 63 года, а стаж по профессии — 61 год.

Вы не сразу пришли в профессию? С чего все началось? Кто или что способствовало формированию Вашего интереса к занятиям социальной психологией?

Э.Ч.: Как пришла в профессию? Была война, при свете коптилок мы читали Льва Толстого, Ивана Тургенева... Читая русскую классику, я ловила себя на мысли, что мне очень хочется стать тем, кто может раскрывать внутренний мир других людей, как тех, с которыми я общаюсь, так и тех, кого я хотела бы узнать более глубоко... И мне очень повезло. В 1952 г. в школу, в которой я училась, пришел новый педагог. Он стал читать нам, подросткам, курсы психологии и формальной логики. Вот с этого момента я не только увлеклась самой психологией, но и поставила перед собой задачу после окончания школы во что бы то ни стало продолжить свое образование в области психологии. В то время моя семья жила в Куйбышеве (ныне Самара). Естественно, возник вопрос о том, в какой вуз поступать. Мне очень хотелось поехать в Ленинград. Мне казалось, что именно там есть какая-то особая культура, и меня манил Эрмитаж... Удивительно, но спустя много лет именно Эрмитаж стал центром жизни моей семьи, поскольку четверо ее членов работают в этом музее.

Мысленно возвращаясь к тому времени, я до сих пор уверена в правильности своего выбора, в том, что поступила в Ленинградский университет. Влияние культуры на формирование личности велико, а этот город — носитель и хранитель культуры... Конечно, трудно приходилось в период учебы, так как все пять лет обучения в университете я не имела возможности проживать в общежитии и мне приходилось снимать углы в квартирах в разных районах города. Однако благодаря этому обстоятельству я хорошо узнала город, людей, семьи, в которых жила, что также способствовало развитию моего интереса к психологии в целом, в том числе социальной.

Т.Д.: *Вы были одним из тех первых сотрудников, которые в 1962 г. пришли работать в только что организованную лабораторию социальной психологии на факультете философии ЛГУ.*

Э.Ч.: Да, но только после того, как я 5 лет проработала в системе профтехобразования. После окончания университета Борис Герасимович Ананьев дал мне рекомендацию в аспирантуру, я даже сдала вступительные экзамены, за исключением иностранного языка. Однако потом как будто очнулась — что же я буду писать, когда у меня нет опыта работы? Темы моих курсовых и дипломной работ были связаны с формированием профессиональных интересов, и я решила, что для того, чтобы продолжить эту тему в аспирантуре, мне надо

пойти поработать в систему профтехобразования. Вот я и не стала сдавать последний экзамен, а пошла работать воспитателем в ремесленное училище № 15. Там обучались “дети войны”, оставшиеся без родителей. В частности, моими воспитанницами были две группы девочек из Белоруссии. С ними я и жила, и работала, ходила на экскурсии... Иными словами, делала все зависящее от меня, чтобы помочь им стать фрезеровщицами.

Т.Д.: *Получив такой опыт, Вы сразу пришли в лабораторию?*

Э.Ч.: Нет, не сразу. В 1958 г., после того как я проработала в системе профтехобразования (кстати, там меня называли “Макаренко в юбке”), я получила приглашение для обучения в аспирантуре. В 1962 г. Борис Федорович Ломов пригласил меня на работу в свою лабораторию индустриальной психологии ЛГУ. Сначала меня оформили просто как вспомогательного сотрудника, а затем перевели на ставку младшего научного сотрудника. Потом ко мне в Стрельну приехал Евгений Сергеевич Кузьмин. Он сказал: “Пиши заявление, потому что мы создаем лабораторию социальной психологии”.

Т.Д.: *С Вашей точки зрения, каковы были объективные и субъективные предпосылки организации этой лаборатории?*

Э.Ч.: К этому времени сформировалась потребность в изучении системы взаимодействия людей в производственных группах и коллективах, а мы даже не знали, чем отличается группа от коллектива. Эта проблема очень бурно обсуждалась в научном сообществе. Причем не только в нашей лаборатории, но и во время диспутов с приезжавшими к нам коллегами москвичами. Позже к этим дискуссиям подключились социологи. Как Вы знаете из истории, они носили уже не только научный, но и социально значимый характер. Вот это и были объективные предпосылки.

Т.Д.: *А субъективные предпосылки?*

Э.Ч.: Субъективными же предпосылками было то, что к этому времени уже появились люди, готовые заниматься именно проблемой межличностных взаимоотношений. Например, у меня был опыт работы в системе профтехобразования. За это время я не раз наблюдала ситуации, в которых мастер положительно или отрицательно, но влиял на отношение учеников к профессии; я видела, как складываются отношения между людьми и каким образом они влияют на развитие личности. Мой опыт работы был связан с людьми, пережившими войну. Они жили не только профессией, но и хотели получить от жизни то, чего не могли иметь

во время войны. Межличностные отношения для них были очень важны! И вот когда Кузьмин организовал лабораторию социальной психологии, собралось несколько молодых людей. Каждый из нас уже имел свой опыт и знания. Я имею в виду Анатолия Леонидовича Свенцицкого, Аллу Александровну Русалинову и себя. Все мы к тому времени, возможно, и в разной степени, но были готовы к изучению проблемы взаимоотношений.

Т.Д.: *Эмилия Сергеевна, по Вашему мнению, кому принадлежала идея создания лаборатории социальной психологии при Ленинградском университете?*

Э.Ч.: Я считаю, что эту идею долго вынашивал Б.Г. Ананьев. Например, еще в период написания своей кандидатской диссертации [11] я приходила к нему на консультации с такими вопросами: как понять, почему в группе людей, которые занимают нейтральное положение в профессиональной микрогруппе, одни могут проявлять очень высокий уровень творческой активности, а другие (и даже чаще) — низкий. Борис Герасимович сказал, что здесь нужно рассматривать и субъективные, и объективные факторы, которые могут оказывать влияние на уровень творческой активности, и предложил идею, которую я потом реализовала в своей докторской диссертации. Речь шла о социально-психологических установках личности. Какова установка личности? Она направлена на развитие или на статус-кво? Человека все устраивает, он думает, что “все есть и ладно, мне больше ничего не надо”, или у него установка на то, чтобы уйти из этой профессии и где-то в другом месте проявить себя более активно? В обсуждении этих и других вопросов Ананьев не раз высказывал свои мечты о том, что должно быть такое направление, как социальная психология.

Т.Д.: *То есть идея принадлежала Ананьеву, а организатором...*

Э.Ч.: С моей точки зрения, Б.Г. Ананьев выносил саму идею о необходимости заниматься разработкой социально-психологических проблем, а Евгений Сергеевич Кузьмин был рядом. Он был моложе, имел хорошие организаторские качества и смог ее реализовать в организационном плане.

Т.Д.: *Что более всего Вам запомнилось из того, раннего, периода становления лаборатории? Может быть, какие-то яркие события, ситуации, поступки конкретных людей... Словом, все то, что могло быть интересно для реконструкции одного из периодов истории социальной психологии...*

Э.Ч.: На первом этапе круг проблем включал изучение малых групп. К нам в ЛГУ приезжал с лекцией Джекоб Морено, мы общались с Манфредом

Форвергом. В то время еще можно было с ними общаться. Потом настал период, когда нельзя было даже ссылаться на зарубежные исследования. Я хорошо помню это время... Какие решались вопросы на первом этапе? Например, какие факторы влияют на становление малых групп? Какого типа могут быть малые группы? Они ведь могут быть не только позитивной социальной направленности, но и негативной. И это надо было изучать, что мы и делали. А какие у нас были дискуссии! Кузьмин не боялся вступать в полемику. На конференциях он смело дискутировал с Артуром Владимировичем Петровским. У них были противоположные точки зрения на коллектив. Петровский разрабатывал стратометрическую структуру группы. Мы же говорили о другом: о создании ядра группы, о выдвижении лидера, и о том, каким может быть лидер и какие социально-психологические качества для лидера должны быть приемлемы в нашей социальной среде, в отличие от того, что делается, предположим, на Западе или на Востоке, и т.п.

Т.Д.: *Вспомните, пожалуйста, возникали ли какие-то трудности организационного или содержательного характера в самом начале деятельности лаборатории?*

Э.Ч.: Конечно, организационные трудности были. На кадры выделялось определенное количество денег, а кадры еще не были подготовлены. Нас было всего три человека. Как-то Евгений Сергеевич посадил в свою машину (тогда у него был “Запорожец”) Свенцицкого, Русалинову и Чугунову и сказал: “Это вот наша лаборатория...”. У нас даже рабочего места не было. Это уже позже нам выделили в особняке на Красной улице небольшое помещение. Кузьмин же все время боролся за то, чтобы была пишущая машинка, чтобы было место, где сидеть и где разговаривать. Потом он отправил нас к Владимиру Александровичу Ядову учиться владению методиками. И это было замечательно, потому что в это же самое время, впервые в СССР, Ядов организовал социологическую лабораторию. Да не где-нибудь, а в бывшем дворце Меншикова! На третьем этаже ему дали большое помещение. Ядов нас учил тому, как нужно работать с анкетами: как составлять их; какие ошибки могут быть, когда ты создаешь анкету; какого типа вопросы должны быть в ней; какие можно формулировать, какие нельзя; какие вопросы должны быть в начале анкеты, а какие — в конце и т.п. То есть были организационные трудности, которые Евгений Сергеевич ухитрился разрешить даже таким образом, как отправив нас на обучение к Ядову.

Т.Д.: *Какие цели и задачи перед сотрудниками лаборатории ставил в то время Е.С. Кузьмин? Они*

были в большей степени ориентированы на науку или на практику?

Э.Ч.: И то, и другое. На первых этапах работы в лаборатории практических заказов было очень мало. Один из первых заказов поступил к нам из научно-исследовательского института профтехобразования, который располагался на улице Черняховского. Впоследствии этот институт стал моим вторым местом работы, поскольку я была руководителем хоздоговорной работы № 445. Благодаря ей мы получили возможность показать, что в области практики социальная психология действительно может оказывать помощь. Мы работали с выпускниками системы профтехобразования, которые на предприятиях испытывали определенные трудности. Нашей задачей стало изучение того, что влияет на систему взаимоотношений работников и в то же время на производительность труда и на повышение профессиональной грамотности этих людей. У меня были составлены на этих людей психологические характеристики, которые мы сопоставляли с характеристиками, полученными от руководителей и коллег. Постепенно этот прием сбора и анализа вылился в метод групповой оценки личности (ГОЛ) [12]. По сути, это был наш вклад и в развитие методического аппарата социальной психологии, и это была конкретная помощь системе профтехобразования. Впоследствии по результатам данной работы мы с Николаем Михайловичем Скородумовым выпустили книгу по профессиональной устойчивости молодых рабочих [10].

Т.Д.: *В каком направлении происходило развитие проблематики на следующих этапах работы лаборатории?*

Э.Ч.: Поскольку научно-исследовательский институт профтехобразования длительное время давал нам деньги для проведения исследований, то мы как-то “окрепли”, стали много публиковаться. К примеру, Алла Александровна Русалинова, также работавшая по этому проекту, выпустила свое издание [8], которое, с моей точки зрения, не потеряло своей актуальности и в настоящее время. Впоследствии разработанные нами методики по изучению микрогрупп коллективов, а также личностные методики стали активно внедряться в более широкую практику. Для этого приходилось выступать с докладами на конференциях, с лекциями на предприятиях, информировать руководителей производственных коллективов и организаций о том, что мы действительно можем им помочь в решении производственных проблем. Так, на одной из конференций в Риге меня услышали сотрудники Министерства обороны. Последовало приглашение приехать в Москву, обсудить возможности

нашей лаборатории, учитывая систему их профессиональных требований. В основе этих требований лежали не только практикоориентированные задачи, но и научные, решение которых существенно обогатило бы социальную психологию. Вот с этого момента, по моему мнению, начался новый этап в развитии проблематики нашей лаборатории: расширился спектр разрабатываемых проблем, четко выделились прикладные направления в социальной психологии.

Т.Д.: В 2018 г. в университете отмечали юбилей Е.С. Кузьмина (29.04.1923–27.03.2011) — руководителя первых в нашей стране лаборатории и кафедры социальной психологии, основателя одной из научных социально-психологических школ. Вы долгое время работали под его руководством сначала в лаборатории, а затем и на кафедре.

Что запомнилось Вам из опыта взаимодействия с ним? Не могли бы Вы припомнить какие-то значимые для Вас события, ситуации взаимодействия?

Э.Ч.: Есть люди, которые с трудом идут на компромисс, поэтому мы с ним часто спорили. Тем не менее он понимал значение нашей работы и подписывал все документы по результатам исследований, доверяя мне как руководителю научной группы. Это очень важно, когда тебе доверяют. За все время работы с его стороны нам не было высказано ни одного критического замечания. Он давал возможность проявлять инициативу, внедрять в практику новые методики, в том числе зарубежные, несмотря на то, что в то время были очень серьезные дискуссии относительно приемлемости зарубежных социально-психологических методик в исследованиях практики управленческой деятельности. Евгению Сергеевичу приходилось с огромным трудом отстаивать право на работу с этим методическим инструментарием!

Т.Д.: *Он предвидел, что результатом этих работ станет разработка прикладных направлений в области социальной психологии?*

Э.Ч.: Сложно сказать. Наверное, предвидел. Я уже говорила, что большинство предприятий, с которыми мы работали, были так называемые “закрытые”. Они располагались в Москве, Ленинграде, Рыбинске, Красногорске, Вильнюсе, Симферополе, Саратове, Каунасе, Киеве и др. Мы проводили диагностику на предприятиях, и результаты наших исследований были прямым доказательством того, что социальная психология может помочь практике. Например, мы давали заключение на конкретного работника, рядового инженера, что он имеет большой потенциал, опираясь на полученные данные о его интеллекте

и личностных характеристиках. В процессе работы мы обнаружили, что важную роль здесь играет фактор саморегуляции: если уровень саморегуляции очень высокий, то данный работник имеет хорошие перспективы профессионального роста. Если же человек не умеет собой управлять, имея при этом хорошие показатели по интеллекту, то вряд ли он пойдет по какому-то новому пути, и т.п. С такими результатами мы много выступали на конференциях, причем не только от лица моей исследовательской группы, а от лица лаборатории, а потом и кафедры социальной психологии ЛГУ. Постепенно наша ленинградская социально-психологическая школа завоевывала все более прочные позиции.

Т.Д.: Евгений Сергеевич создал такую группу учеников, сотрудников-последователей, каждый из которых — уникальная личность, профессионал высокого уровня, оставивший след в истории отечественной социальной психологии...

Э.Ч.: Как Свенцицкий, Русалинова, Панферов...

Т.Д.: ...Чугунова, Семенов, Волков...

По Вашему мнению, это была группа единомышленников или группа последователей, в которой каждый разрабатывал какое-то свое направление социальной психологии?

Э.Ч.: Уникальность этой группы сотрудников лаборатории состояла в том, что мы были и единомышленниками, потому что смотрели в одну сторону... И при этом каждый имел свою направленность в области профессиональной деятельности.

Т.Д.: *Есть такое определение чувства: “Любовь — это когда люди смотрят не друг на друга, а в одну сторону...”*

Э.Ч.: Да, нас всех объединяла любовь к Науке...

Т.Д.: *Какие качества Кузьмин ценил в людях?*

Э.Ч.: Наверное, те из них, которые были связаны с инициативностью. Он поощрял желание сотрудника найти что-то новое, а не двигаться по “проторенной дорожке” или предписанному пути.

Т.Д.: *В чем, по Вашему мнению, заключается основной вклад научной школы Е.С. Кузьмина в развитие отечественной социальной психологии?*

Э.Ч.: В первую очередь это методология. Мы знали, на какой теоретической базе строятся все наши работы, и результаты наших исследований встраивались в эту методологию. Во вторую очередь это разработка методического инструментария социальной психологии. Он допускал включение в исследовательские программы таких методических

приемов, которые в то время еще не были опробованы. Эту творческую инициативу, т.е. внедрение новых методик в исследовательскую деятельность, я считаю одним из самых важных рациональных “зерен”, которые были посажены Кузьминым. Как бы ни было ему трудно отстаивать перед вышестоящими инстанциями право на применение того или иного методического инструментария, он никогда не противодействовал желанию сотрудников сделать что-то новое.

Т.Д.: *Эмилия Сергеевна, поскольку Вы уже затронули проблему формирования методического аппарата социальной психологии, то, может быть, мы продолжим наш разговор в этом направлении?*

Как известно, в социальной психологии тогда, да и сейчас, было мало методов, незаимствованных в психологии или социологии. Вы же занимались разработкой метода групповой оценки личности (ГОЛ), который является, во-первых, отечественной разработкой, во-вторых, собственно социально-психологическим методом.

Расскажите, как появилась идея создания этого метода? Чем это было вызвано?

Э.Ч.: В качестве заказчика на разработку этой методики выступало предприятие “Кулон”, конкретно — его генеральный директор Н.А. Викторов, который был лауреатом государственных и Ленинской премий. Его сотрудники разработали систему официальных критериев оценки работника и сформулировали для психологов заказ на разработку такой методики, система оценочных характеристик которой исключала бы факт того, что эксперты будут друзьями человека, которого они оценивают, чтобы у них не было конфликтных отношений с ним и т.п. Требовалось, чтобы методика давала возможность эксперту более адекватно оценить личностные характеристики человека, а также его профессиональные качества.

Т.Д.: *Что мотивировало лично Вас заниматься разработкой данного метода? Это было связано с проведением диссертационного исследования или что-то другое?*

Э.Ч.: В то время я даже не задумывалась об этом. Это позже стало понятно, что данный материал представляет интерес и с научной точки зрения. Поэтому результаты исследований стали одной из частей моей диссертационной работы. В период разработки и апробации методики на предприятиях в большей степени нами двигал профессиональный интерес. Включение приема групповой оценки личности давало возможность посмотреть, в какой степени те или иные работники являются такими, на которых можно положиться при решении

сложных производственных задач, что они окажутся продуктивными и творчески одаренными в той деятельности, которой они занимаются. Конечно, кроме групповой оценки личности мы использовали оценки глубинных личностных характеристик по методике Кеттелла, а также качеств, связанных с конкретным видом профессиональной деятельности. Все это еще подкреплялось теми характеристиками, которые давали нам возможность оценить, с какой степенью продуктивности работает человек. Как я уже говорила, они строились на совокупности критериев, разработанных нашими заказчиками.

Т.Д.: *В чем же заключался “секрет” Вашего успешного взаимодействия с заказчиками?*

Э.Ч.: В том, чтобы наша инициатива поиска тех или иных методических социально-психологических приемов подкреплялась активностью со стороны самого заказчика.

Т.Д.: *Вы как разработчик хорошо знаете плюсы и минусы применения методики ГОЛ. О ее достоинствах Вы уже говорили. С Вашей точки зрения, были ли недостатки у этой методики?*

Э.Ч.: Были, конечно. Например, формулировки обобщенных характеристик, такие как “коммунистическое отношение к труду”. Я считаю, что это не показатель, но, учитывая социальную ситуацию, требовалось его ввести. Но и тогда, и теперь я уверена, что надо было заменить эту формулировку на “добросовестное отношение к труду”.

Т.Д.: *С позиции современной ситуации в развитии науки можно ли выделить какие-то области применения методики ГОЛ, которые представляют собой перспективные направления в ее развитии?*

Э.Ч.: Методика достаточно универсальна. Нужно всего лишь понимать, что набор характеристик работника, который будет оценивать эксперт, должен отвечать запросам конкретной профессии. Например, с моей ученицей мы модифицировали эту методику применительно к оценке деятельности учителя². Также я применяла ее для оценки медицинского персонала в санатории.

Т.Д.: *Эмилия Сергеевна, Вы долгие годы работали в НИИКСИ в качестве научного руководителя многих хоздоговорных исследований...*

Почему Вы стали заниматься хоздоговорными работами? Что послужило мотивом в выборе данного направления деятельности? Может быть, какие-то жизненные обстоятельства, или конкретный случай, или потребности иного характера?

Э.Ч.: Когда поступил первый заказ из НИИ профтехобразования, я уже имела большой опыт работы в этой системе, поэтому я даже не думала о том, зачем и для чего. Было интересно поработать с ними в каком-то новом качестве. Поскольку я знала эту работу, у меня в тот момент не возникло никакого сомнения в том, что я должна заниматься этим. Потом это же была и подработка...

Т.Д.: *А вторая хоздоговорная работа? На предприятии “Кулон”?*

Э.Ч.: Вторая работа стала заказной благодаря тому, что мы много выступали на Всесоюзных съездах психологов, на конференциях, психологических форумах с результатами своих исследований. Мы убедительно рассказывали о возможностях психодиагностики для практики. На этих мероприятиях всегда присутствовал человек, который возглавлял эту работу от Министерства связи, — генеральный директор предприятия “Кулон” Н.А. Викторов. Он, собственно говоря, и инициировал этот заказ на исследование работы инженеров. Кстати, его великолепно знали Екатерина Васильевна Шорохова и Борис Федорович Ломов. Меня же заинтересовала сама задача, которую поставили перед нами заказчики.

Т.Д.: *Вы упомянули Бориса Федоровича. Часто с ним общались? Не вспомните какие-то интересные ситуации взаимодействия с ним?*

Э.Ч.: Да, часто. Например, в тот период, когда мы уже работали на предприятии “Кулон”, в ЦК КПСС был поставлен вопрос, можно ли в конце концов разрешить применение психодиагностических методик, тем более взятых из-за рубежа. Неожиданно мне позвонил Ломов и попросил уговорить руководителя предприятия, чтобы он принял участие именно в том заседании комиссии ЦК КПСС, где будет обсуждаться этот вопрос. Директор предприятия действительно принял участие в этом заседании и подтвердил, что данная хоздоговорная работа предприятию необходима и что она социально значима. Его выступление способствовало положительному решению вопроса о применении психодиагностических методик. Это вот — Ломов!

Т.Д.: *В последние несколько лет разные структуры управления наукой уделяют много внимания вопросам взаимодействия фундаментальной науки и практики.*

Каково Ваше мнение по этому вопросу?

Э.Ч.: Абсолютно уверена в том, что теоретические разработки и практическая значимость работы должны быть связаны. Необходимо, чтобы заказчики осознавали практическую потребность

² Речь идет о диссертационном исследовании Г.О. Матиной [7].

в теоретических исследованиях. Если практическая потребность есть и она сформулирована, то работа психологов-исследователей будет иметь и фундаментальный характер, и практическое значение.

Т.Д.: Для молодых практикующих социальных и организационных психологов, будет не только интересно, но и весьма полезно узнать о факторах и механизмах формирования разных моделей взаимодействия исследователей и практических организаций, занимающихся научной и производственной деятельностью.

Есть ли какой-то алгоритм, раскрывающий последовательность шагов в этом направлении? Начиная с того, как возникает потребность предприятия (организации) в подобного рода взаимодействии с психологами, и заканчивая тем, каким образом эта потребность модифицируется в собственно заказ?..

Э.Ч.: Я думаю, что универсальной модели нет. Эта потребность во взаимодействии может быть сформирована как у самих психологов, когда мы хотим разрешить ту или иную конкретную проблему, так и у предприятия. Например, сейчас со стороны детских организаций появляется потребность в изучении аутизма как феномена взаимоотношения ребенка-аутиста с детьми того же возраста, но другого уровня социального развития. Эта потребность идет от практиков. Но разве это же не может быть интересно для нас как социальных психологов? Может.

Т.Д.: Какие должны быть на предприятии (или в организации) ресурсы, без которых этот переход от потребности к формированию заказа не может быть осуществлен?

Э.Ч.: Я бы сформулировала по-другому: какие должны быть ресурсы, которые помогли бы решить поставленную проблему. Первое, это заинтересованность правительственных структур — министерств. Наличие в этих структурах профессионально грамотных людей, которые видят практические проблемы и умеют формулировать заказ. Второе, это интерес руководителей конкретных предприятий в проведении совместных работ. Здесь уже важно умение психологов замотивировать руководство. Я уже рассказывала, сколько времени нам понадобилось, выступая на конференциях и съездах психологов, чтобы сформировать интерес у конкретного руководителя предприятия. Третье, это желание и готовность руководителей предприятий финансировать договорные работы, создавать комфортные условия для исследовательской деятельности психологов. Четвертое, это умение психологов заинтересовать содержанием своей деятельности

непосредственных участников исследования — работников предприятий.

Т.Д.: *Говоря о мотивации хоздоговорных отношений предприятий (организаций) и коллектива психологов, в Вашей практике что чаще встречалось: вариант “нам сказали, надо пригласить психологов, они помогут решить вашу проблему...”, или “у нас есть проблема, вы приходите, что-нибудь сделайте...”, или как-то иначе?*

Э.Ч.: В нашей практике был такой вариант. Заказчики говорили: “Мы знаем, чем Вы занимаетесь, мы читали Ваши работы, мы слушали Ваши доклады, и мы решили, учитывая Ваш и наш интерес, предложить Вам провести такую-то работу”.

Т.Д.: *В чем, по Вашему мнению, заключается роль руководителя в формировании такого рода заказов?*

Э.Ч.: Если руководитель уверен в том, что деньги не будут потрачены зря, что эта работа более необходима для решения производственных проблем, чем, к примеру, покупка новой техники, то он не побоится рисковать и будет способствовать оформлению такого заказа. А технику он купит в следующий раз.

Т.Д.: *А руководителя группы психологов?*

Э.Ч.: Собрать группу единомышленников, которые “смотрят в одну сторону”.

Т.Д.: *Можно ли сказать, что Вами активно разрабатывалось такое направление, как социальная психология личности профессионала?*

Э.Ч.: По всей видимости, можно. У меня аспирантка из Литвы защищалась по этому направлению — Багджюнене Даля Матовна. Она создала уникальную авторскую методику изучения личности руководителей высокого должностного статуса [2]. Методика была построена по типу методики Кетелла и получила в Литве статус изобретения. В рамках этого же направления у меня защищались и другие аспиранты, поэтому не только мои конкретные исследования сформировали его, но и научные работы моих учеников.

Т.Д.: Обращаясь к опыту работы НИИКСИ при ЛГУ с предприятиями и организациями, выделяют две модели хоздоговорных исследований. В первом случае деятельность психологов осуществлялась на одном и том же предприятии, где последовательно, в течение длительного периода, выполнялись работы, связанные с широким спектром проблем взаимодействия и взаимоотношений в трудовом коллективе, с самочувствием работников и т.п. Вторая модель основывалась на опыте работы психологов с разными предприятиями из разных регионов страны и различных отраслей народного

хозяйства, но тематика таких исследований преимущественно была сходной...

У Вас есть опыт работы и по первой, и по второй модели. Не могли бы Вы сравнить их по таким критериям, как: возможности этих моделей, их преимущества и ограничения в применении, а также для решения каких задач более оптимально использовать ту или иную модель...

Э.Ч.: Конечно, и та и другая модель работоспособны. Все зависит от того, какие вы ставите перед собой цели и задачи. Первая модель в организационном плане проще. Там больше свободы у психолога в том, что изучается. Второе ее достоинство — нужно меньшее количество психологов для решения поставленных задач. Наша первая хоздоговорная работа в НИИ профтехобразования и хоздоговорная работа на НПО «Светлана» (рук. А.А. Русалинова) [9] выполнялись по этой модели. Вторая модель более сложна, потому что работа связана с выездами, бытовыми проблемами и надо договариваться о том, чтобы участники эксперимента были официально освобождены от работы на целый день. То есть все должно быть согласовано до мельчайших деталей со всеми — непосредственными участниками исследования, психологами, руководством предприятия. В плане обработки результатов здесь тоже больше сложностей. Батарея методических приемов одна и та же, а предприятия и их профиль — разные. Для сопоставления результатов надо разрабатывать единый алгоритм обработки данных.

Т.Д.: Вы — известный специалист в области психологической диагностики предприятий и организаций. Вам приходилось заниматься и диагностикой, и прогнозированием и составлять программы воздействия.

На что Вы опирались при составлении диагностических программ? На теоретические представления или конкретные практические задачи? Быть может, у Вас был какой-то иной подход к их построению?

Э.Ч.: Это все связано: и то, и другое. Но если говорить о приоритете, то прикладные задачи стояли на первом месте. Если бы мы опирались только на теоретические положения, то никто бы нас не финансировал. Однако без теоретических представлений о том феномене, который мы изучали, невозможно было бы построить качественную диагностическую программу.

Т.Д.: А Вы прогнозировали результат? И как Вы оценивали прогностические возможности программы?

Э.Ч.: Есть специальная литература по прогнозированию. Мы же могли дать информацию

с целью подбора инженерных кадров. То есть формировали руководство о том, что такие-то личностные характеристики будут значимы, к примеру, для исполнителя, а другие — для руководителя или для генератора идей, или инноватора — человека, который будет предлагать какие-то новые решения технических проблем. Наша задача прогнозирования заключалась в этом.

Т.Д.: К Вашему мнению прислушивались?

Э.Ч.: Конечно! Были случаи, когда мы давали заключение по результатам диагностики человека, который занимал невысокий статус на предприятии. На его основании обсуждалось и принималось решение о том, чтобы перевести этого работника на более высокую должность. Сложнее было доказать руководству предприятия то, что специалист, который является, к примеру, руководителем отдела в НИИ, ни по интеллектуальным, ни по личностным качествам, ни по результатам оценки с помощью методики ГОЛ долгое время не может занимать высокую должность. Либо эта должность должна быть изменена в сторону ее понижения, либо его следует перевести. Такие задачи решать было очень сложно по многим причинам, но мы этому способствовали.

Т.Д.: И что, людей увольняли?

Э.С.: Да, такое было, но крайне редко. В основном, конечно, мы получали благодарность от руководства за то, что смогли выявить скрытые ресурсы предприятия, а это чаще всего были человеческие ресурсы. Нередко рекомендованные нами люди становились потенциальным кадровым резервом, необходимым для развития производства.

Т.Д.: Эмилия Сергеевна, хотелось бы обсудить с Вами вопросы, связанные с творчеством инженеров. Долгое время Вы занимались исследованием именно этой профессиональной группы.

Чем был вызван Ваш интерес как исследователя, во-первых, к проблемам творчества, во-вторых, творчества именно инженеров? Спрос на такой род исследований в организациях? В обществе в целом? Или это лично Ваш интерес?

Э.Ч.: Я увлекалась работами С.Г. Артшуллера и Р.Б. Шапиро [1], связанными с алгоритмом изобретательской деятельности. Кроме того, у меня был огромный опыт изучения (более чем 10 лет) результатов Всесоюзной выставки технического творчества молодежи на ВДНХ в Москве. И я собирала этот материал, анализировала и видела, насколько это все перспективно и интересно. Все начинается с детства. Это мой личный интерес...

Т.Д.: А социальный заказ был тогда?

Э.Ч.: Никакого социального заказа не было. Я сама ездила на ВДНХ и изучала все эти экспонаты. Я проанализировала типологию творческой активности, уровневые характеристики результатов этого творчества, и это было материалом в конечном итоге для моей кандидатской диссертации [11]. Она даже по объему была больше, чем докторская диссертация.

Т.Д.: *Ваши исследования творчества инженеров были в большей степени направлены на работу с группой инженеров, или на содержание их труда, или на изучение их индивидуальных и социально-психологических характеристик?*

Э.Ч.: В первую очередь надо было фиксировать результаты этой деятельности. Если полученные данные свидетельствовали о том, что продукт деятельности — рационализаторское предложение или, может быть, даже уровень изобретения, то далее меня уже интересовала сама личность, которая это все смогла сотворить. Тогда анализ личностных характеристик и история этого человека (у меня же было написано об этих людях огромное количество эссе) объединялись в описание социально-психологического портрета творческого человека, но не универсального характера, а имеющего отношение к определенному виду творчества.

Т.Д.: *Как Вы думаете, почему в настоящее время проблемы творчества инженеров не столь интересны для психологов-исследователей? Может быть, исчерпаны все аспекты проблемного поля? Изменилось содержание деятельности?*

Э.Ч.: Нет, не исчерпаны. Наверное, у современных руководителей изменилось отношение к инициативе. Если в рамках любой деятельности будут предоставляться возможности для проявления инициативы работника, то и творчество будет. Как следствие, появятся новые феномены в предметном поле. Будет чем заниматься психологам — исследователям творческой деятельности, в том числе инженерной.

Т.Д.: Традиционно последняя серия вопросов в наших интервью носит личный характер. Это вопросы об учителях и учениках, единомышленниках и жизненных ценностях ученого...

Кого вы считаете своими Учителями в жизни? В профессии? Почему?

Э.Ч.: Самым главным Учителем для меня стал Борис Герасимович Ананьев. Это был удивительный человек! Он читал нам лекции, и мы перечитывали их по нескольку раз и обсуждали между собой. Трудно сопоставить его с кем-нибудь еще. Ананьев был не только замечательным лектором, но и докладчиком. После его научных докладов

я уходила куда-нибудь подальше от других людей, чтобы осмыслить услышанное... С ним можно было просто сесть и поговорить о социально-психологических установках, это я тоже никогда не забуду. Помню, в большом актовом зале университета шла какая-то конференция, а мы с ним отсели в сторону и беседовали. Он генерировал идеи, а мне еще надо было обдумывать: с какого конца подойти к проблеме, какие методы использовать, чтобы ее воплотить в жизнь, и что я могу дать нового по сравнению с тем, что было раньше...

Когда Борис Герасимович был болен, он меня передал Евгении Иосифовне Зейлигер-Рубинштейн. Так вот она учила меня работать с научной литературой. Именно она дала мне энное количество такой литературы, которой я, быть может, даже в библиотеках не нашла бы. Именно Рубинштейн мне говорила: “Диагностика, деточка, — это великая вещь. Если Вы пойдете по этому пути, Вы сможете многое что сделать”. Но тогда для меня это было новое знание, а для нее — давным-давно усвоенное и старое. Возможно, по этой причине я впоследствии решилась на ту хозрасчетную работу, которую инициировал Б.Ф. Ломов, и вообще стала заниматься психодиагностикой.

Борис Федорович был доступный в плане общения человек. Для меня это было важно! Как Учитель он показывал пример отношения к работе. Например, когда выпускал свою книжку “Человек и техника”, я помню, как он долго работал над ней, до изнеможения. Помню случай, он сидел на третьем этаже и резко открыл окно, а я испугалась — не случится ли что-нибудь с ним. А он сел и говорит: “Миля, как я устал. Неужели я не имею право хоть неделю отдохнуть?”. Потом вздохнул и сказал: “Иду работать”. Он умел работать. Когда я закончила аспирантуру, он меня взял в свою лабораторию. Места для работы не было, а он взял. Никогда этого не забуду.

Шота Александрович Надирашвили, он очень часто приезжал в Ленинград, и мы просто с ним гуляли и разговаривали об этих самых установках. Он подарил мне свою книгу по психологическим установкам. И это для меня тоже стало определенным стимулом, чтобы дальше заниматься социально-психологическими проблемами.

Т.Д.: *Чем из сделанного Вами Ваши учителя могли бы гордиться?*

Э.Ч.: Во-первых, я думаю, что все исследования, которые я проводила вместе с коллегами, были честными. Мы никогда не манкировали. Поэтому и результаты этих работ были важными как для науки, так и для практики. Я благодарна своим

сотрудникам, которые работали вместе со мной все эти годы, за честность и ответственное отношение к нашему общему делу. А своим Учителям я благодарна за то, что они всегда мне помогали, показывали то направление, по которому мне надо идти, но не настаивали, давали возможность самой принимать решение, поддерживали мою инициативу. Тот же К.К. Платонов. Разве я не могу назвать его Учителем? Конечно, могу! Он практически всегда помогал мне, даже в самых трудных жизненных ситуациях...

Т.Д.: *Кого бы Вы могли назвать своими Учениками или единомышленниками, последователями в том направлении работ, которым Вы занимались?*

Э.Ч.: Конечно, Вера Александровна Чикер, она и сейчас успешно работает в области организационной психологии. В Литве — Даля Матовна Багджюнене, в свое время она продолжила наше исследование по изучению социально-психологических особенностей руководителей предприятий. Вячеслав Викторович Абрамов внес новизну в применение методики ГОЛ для изучения социально-психологических особенностей руководства исследовательскими группами. Сергей Петрович Безнов пришел ко мне совсем молодым человеком, который многое не умел делать, но быстро учился. Потом он выпустил хорошую книгу с психодиагностическими методиками для тех людей, которые оказались профессионально непригодными в системе МВД. Анатолий Лактионович Журавлев много занимался стилями руководства на промышленных предприятиях. Да еще как! Мы же с ним очень часто встречались на научных семинарах, конференциях и съездах, обсуждали общие вопросы... Из более молодых учеников я бы назвала Татьяну Викторовну Слотину, Елену Владимировну Загорную, Ксению Заболоцкую. А вот Марина Васильевна Пряхина еще и мой последователь. Она занималась социально-психологическими установками в системе МВД РФ и создала кафедру юридической психологии в университете МВД. Конечно, это не все, кого по разным основаниям можно назвать учениками или последователями. Но все они — очень интересные люди, и мне нравится все, что они делали и будут делать...

Т.Д.: *Были ли в Вашей жизни моменты, когда Вы пожалели, что стали психологом, социальным психологом или о том, что стали заниматься выбранной Вами проблематикой?*

Э.Ч.: Ни разу. Поэтому мои внуки — две девочки — тоже закончили психологический факультет. Одна сейчас работает в Америке и посылает мне кое-какие книжки, которые я бы здесь никогда

не имела. Она помогает мне в переводе с английского на русский и методики новые присылает.

Т.Д.: *У каждого человека есть жизненное кредо. Какое Ваше кредо?*

Э.Ч.: Жить и радоваться жизни, и находить самые лучшие моменты в этой жизни!

Т.Д.: *Эмилия Сергеевна, давайте закончим нашу беседу с помощью метода незавершенных предложений:*

Больше всего я хотела бы...

Э.Ч.: Продолжать работу в области социальной психологии.

Т.Д.: *Больше всего мне не хотелось бы...*

Э.Ч.: Иметь рядом с собой людей, непорядочных во взаимоотношениях.

Т.Д.: *Если можно было бы изменить что-то, то я бы...*

Э.Ч.: Я бы очень постаралась сделать что-то в области изобразительного творчества. Я очень люблю все то, что связано с живописью, с хорошим изобразительным творчеством и увлекаюсь этим до сих пор. Еще в студенческие времена начала приобретать такие книги и альбомы, которые сейчас обладают большой ценностью. Поэтому когда ко мне обращались, например, с просьбой проанализировать творчество Красаускаса или Чюрлениса, я делала это с большим удовольствием. Кстати, у меня даже несколько публикаций было по этой теме...

Т.Д.: *Я никогда не сожалею о том, что...*

Э.Ч.: Я выбрала психологическую науку как главную науку своей жизни.

Т.Д.: *Воспоминания об этом вызывают у меня...*

Э.Ч.: Смотря о чем. Воспоминания о том, как я оказалась в Стрельне, связаны с какими-то необычными ситуациями в моей жизни. Еще в студенческие времена я приехала в Стрельну, прошла по этой тропинке, которая вывела меня к церкви Святой Ольги, там нам было предложено посадить сад из молодых яблонь. Когда я оказалась рядом с этой церквушкой (она была, конечно, в плохом состоянии) и увидела Финский залив, то подумала “как хорошо было бы здесь жить”. Позже так сложились обстоятельства, что мой отец выбрал это место в Стрельне для строительства дома. Вот этому дому уже 60 лет! Когда я вспоминаю об этом, то радуюсь! И не хочу менять свое место жительства!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

* * *

Анализируя историю отношений отечественной теоретико-экспериментальной психологии и практики, специалисты выделяют 60-е гг. XX в. как период, когда развитие инженерно-психологических исследований, полезных космонавтике и авиации, способствовало повышению престижа психологии и ее институционализации в качестве науки, а 70-е и 80-е гг. XX в. — как период рефлексии этих отношений научным сообществом, формирования реалистических науковедческих взглядов на связь теории, эксперимента и практики [6]. Обращает на себя внимание сформулированная данными исследователями мысль о различиях в динамике двух этих процессов развития — отношений теоретико-экспериментальной науки и практики, и рефлексии этих отношений. Отмечается, что в первом случае динамика носит плавный, непрерывный характер, во-втором — скачкообразный, прерывный [Там же]. Выделенные тенденции характеризуют в том числе этапы развития отношений социальной психологии и практики и их рефлексии в научном сообществе. В частности, обращение к истории становления и развития прикладных направлений отечественной социальной психологии может быть рассмотрено как один из признаков созревания новой стадии (этапа) рефлексии этих отношений. По нашему мнению, это обусловлено, во-первых, процессами глобализации науки и, как следствие, усилением ее ориентации на практическое применение результатов, выраженной в заказах государственных структур на разработку социально-психологических технологий. Во-вторых, поиском самой социальной психологией новых областей применения, т.е. не только тех практик (социально-психологические тренинги, форсайт-сессии и т.п.), которые активно развивались с начала 90-х гг. XX в., но и новых, например связанных с развитием сетевых сообществ. В-третьих, неизбежным подъемом сложного промышленного, робототехнического и других видов производства. В-четвертых, переходом общества к цифровым технологиям. В таких условиях развития резко возрастает потребность в лидерах (руководителях) новой формации. В данном контексте опыт в организации прикладных социально-психологических исследований, представленный в воспоминаниях ученого и руководителя первых хозрасчетных работ на предприятиях нашей страны, воспринимается уже не только как знание о конкретном историческом периоде в развитии социальной психологии, но и как полезное руководство к действию для современных психологов, ориентированных на разработку новых прикладных отраслей науки.

Послесловие. Интервью с Эмилией Сергеевной Чугуновой проводилось в мае 2018 г. К сожалению, она так и не увидела этой публикации. Летом 2019 г. Эмилия Сергеевна ушла из жизни. Авторы статьи, редакционная коллегия, совет и сотрудники редакции “Психологического журнала” выражают глубокое соболезнование ее близким, коллегам и ученикам. Вклад Эмилии Сергеевны в становление и развитие отечественной социальной психологии сложно переоценить. Свидетельством ее преданности и служения науке до последних дней жизни стали воспоминания о том времени, когда происходило активное становление прикладной социальной психологии в СССР. Эти воспоминания легли в основу историко-психологического исследования, представленного выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альциуллер Г.С., Шапиро Р.Б.* О психологии изобретательского творчества // Вопросы психологии. 1956. № 6. С. 37–49.
2. *Багджюнене Д.М.* Социально-психологические особенности личности руководителя производственного коллектива: Дисс. ... канд. психол. наук. Л., 1982. 251 с.
3. *Дробышева Т.В.* Исследовательское биографическое интервью в историко-психологическом исследовании: подход к разработке метода и некоторые результаты его применения // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, научные школы, персоналии. Саров: Интерконтакт, 2019. С. 33–44.
4. *Дробышева Т.В., Журавлев А.Л.* К истории становления и развития лаборатории социальной и экономической психологии РАН (по материалам интервью) // Социальная и экономическая психология. Т. 2. Новые направления исследований. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 11–44.
5. *Дробышева Т.В., Журавлев А.Л.* Развитие профессиональных интересов ученого как объект психобиографического анализа (на материале интервью) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 78–93.
6. *Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В.* Академическая психология и практика: история отношений и современные проблемы (вместо предисловия) // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. С. 7–17.
7. *Матина Г.О.* Профессиональные установки в деятельности педагогов: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 1999. 208 с.

8. Русалинова А.А. Влияние взаимоотношений между мастером и учащимися на формирование коллектива учебной группы профессионально-технического училища. М.: Высш. школа, 1968. 38 с.
9. Русалинова А.А., Журавлев А.Л., Дробышева Т.В. История отечественной промышленной социальной психологии (Интервью с А.А. Русалиновой) // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 3 (11). С. 199–217. [эл. ресурс: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document642.pdf>] (дата обращения: 01.12.2018).
10. Скородумов Н.М., Чугунова Э.С. Профессиональная устойчивость молодых рабочих. М.: Высш. школа, 1969. 80 с.
11. Чугунова Э.С. Социально-психологические особенности технического творчества учащихся и выпускников ПТУ: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук (по психологии). Л., 1967. 19 с.
12. Чугунова Э.С., Михеева С.М. Опыт применения методики групповой оценки личности инженеров. Вильнюс: ЛатНИИТИ, 1977. 76 с.

HISTORY OF DOMESTIC APPLIED SOCIAL PSYCHOLOGY: DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN FUNDAMENTAL SCIENCE AND PRACTICE (BASED ON INTERVIEW WITH E.S. CHUGUNOVA)³

T. V. Drobysheva^{1,*}, A. L. Zhuravlev^{1,**}, E. S. Chugunova^{2,***}

¹*Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.*

²*Federal State-financed Establishment of Higher Education, Pushkin Leningrad State University;
196605, St. Petersburg sh., 10, Pushkin, St. Petersburg, Russia.*

^{*}*PhD (Psychology), Senior Scientific Fellow of Social Psychology and Economic Psychology Laboratory,
Institute of Psychology RAS. E-mail: tdrobysheva@mail.ru*

^{**}*Academician of RAS, ScD (Psychology), Professor, Scientific Leader of Institute of Psychology RAS.
E-mail: alzburavlev2018@yandex.ru*

^{***}*ScD (Psychology), Professor at Psychological Department, Pushkin Leningrad State University.*

Received 07.01.2020

Abstract. The results of study on the history of social psychology are presented. The objective of the work is to analyze the prerequisites, patterns and stages in development of applied social psychology, as well as the role of certain persons in formation of its problems in the period of 60–70 years of the twentieth century. The author's version of the research biographical interview was used as the main research method. The content of the material used is the memoirs of ScD in psychology Emilia Sergeevna Chugunova about the events related to the first stages of formation and subsequent development of applied social psychology in the framework of laboratory of social psychology in the Leningrad State University (now the St. Petersburg state University). The memoirs of E.S. Chugunova, who managed self-supporting works in the laboratory for a long period, address issues of interrelations between social psychology and socio-psychological practice, development of methodological apparatus, prerequisites for the organization of the first self-supporting works, formation of orders of enterprises, etc. Her views on the problems of development of psychology of engineering creativity, the demand for socio-psychological knowledge in practice are presented in the interview.

Keywords: history of domestic social psychology, applied social psychology, laboratory of social psychology in Leningrad State University, research biographical interview, person and professional activity of a scientist, E.S. Chugunova.

³ The work was prepared in the framework of State task No. 0159-2019-0002 “Psychology of a collective subject in changing conditions of joint life activity”.

REFERENCES

1. *Al'tshuller G.S., Shapiro R.B.* О психологии изобретательского творчества. *Voprosy psikhologii*. 1956. № 6. P. 37–49. (in Russian)
2. *Bagdzhunene D.M.* Social'no-psihologicheskie osobennosti lichnosti rukovoditelja proizvodstvennogo kollektiva: Diss. ... kand. psihol. nauk. L., 1982. 251 p. (in Russian)
3. *Drobysheva T.V.* Issledovatel'skoe biograficheskoe interv'ju v istoriko-psihologicheskom issledovanii: podhod k razrabotke metoda i nekotorye rezul'taty ego primeneniya. *Razvitie rossijskoj psikhologii nakanune i posle russkoj revoljucii 1917 goda: tendencii, nauchnye shkoly, personalii*. Sarov: Interkontakt, 2019. P. 33–44. (in Russian)
4. *Drobysheva T.V., Zhuravlev A.L.* K istorii stanovlenija i razvitija laboratorii social'noj i jekonomicheskoy psikhologii RAN (po materialam interv'ju). *Social'naja i jekonomicheskaja psihologija*. T. 2. *Novye napravlenija issledovanij*. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 11–44. (in Russian)
5. *Drobysheva T.V., Zhuravlev A.L.* Razvitie professional'nyh interesov uchenogo kak ob"ekt psihobiograficheskogo analiza (na materiale interv'ju). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019. V. 40. № 2. P. 78–93. (in Russian)
6. *Zhuravlev A.L., Ushakov D.V., Jurevich A.V.* Akademicheskaja psihologija i praktika: istorija otnoshenij i sovremennye problemy (vmesto predislovija). *Vzaimootnosheniya issledovatel'skoj i prakticheskoy psikhologii*. Eds. A.L. Zhuravlev, A.V. Jurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2015. P. 7–17. (in Russian)
7. *Matina G.O.* Professional'nye ustanovki v dejatel'nosti pedagogov: Diss. ... kand. psihol. nauk. St. Petersburg, 1999. 208 p. (in Russian)
8. *Rusalinova A.A.* Vlijanie vzaimootnoshenij mezhdum masterom i uchashhimisja na formirovanie kollektiva uchebnoj gruppy professional'no-tehnicheskogo uchilishha. Moscow: Vyssh. shkola, 1968. 38 p. (in Russian)
9. *Rusalinova A.A., Zhuravlev A.L., Drobysheva T.V.* Istorija otechestvennoj promyshlennoj social'noj psikhologii (Interv'ju s A.A. Rusalinovoj). *Institut psikhologii RAN. Social'naja i jekonomicheskaja psihologija*. 2018. V. 3. № 3 (11). P. 199–217. [jel. resurs: <http://soc-economy-psychology.ru/engine/documents/document642.pdf>] (data obrashhenija: 01.12.2018) (in Russian)
10. *Skorodumov N.M., Chugunova Je.S.* Professional'naja ustojchivost' molodyh rabochih. Moscow: Vyssh. shkola, 1969. 80 p. (in Russian)
11. *Chugunova Je.S.* Social'no-psihologicheskie osobennosti tehnicheskogo tvorchestva uchashhihsja i vypusknikov PTU: Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk (po psikhologii). L., 1967. 19 p. (in Russian)
12. *Chugunova Je.S., Miheeva S.M.* Opyt primeneniya metodiki gruppovoj ocenki lichnosti inzhenerov. Vil'njus: LatNIINTI, 1977. 76 p. (in Russian)